

— Владимир Васильевич, накануне нового года вы встречались с президентом России. Какие вопросы вы обсуждали?

— Эта встреча неофициальная, с одной стороны, а с другой — имела конфиденциальный характер. Мы говорили о правительственных вопросах, в порядке совета...

— Никакой информации об этой встрече не было, и мы позволили себе предположить, что вы говорили с Борисом Ельциным о грядущей остановке завода...

— Я даже не информировал его об этом. Какой в этом смысл?

— А вам в этот раз не поступало предложения войти в правительство?

— Я уже всем ясно объяснил, что не собираюсь куда-то уходить. А предложения — да мало ли какие предложения есть, они только ими и остаются.

— Россия два года прожила под руководством правительства реформаторов. Как вы оцениваете этот период и ход реформ?

— Мне думается, что запуск реформ — целиком заслуга именно этой „команды“. На этом пути ими было сделано, по моему мнению, достаточно много ошибок. И мы о них говорили, в том числе и на встрече в Тольятти, когда Гайдар встречался с директорами крупнейших предприятий региона. Мне тогда показалось, что Гайдар начал что-то понимать и готов был к этому пониманию. До того момента они действовали как ученые-финансисты, им не хватало жизненной практики для того, чтобы просчитать все последствия принимаемых ими шагов.

Сегодняшнее положение в промышленности — результат целого ряда ошибочных мер правительства. В том числе по искусственной стабилизации курса доллара относительно рубля при наличии внутренней инфляции этого же рубля, не соответствующей курсу. Особенно это коснулось предприятий, имеющих определенный экспортный потенциал и работающих на западном рынке достаточно серьезно.

Инфляция, конечно, главный бич нашей экономики, но лечение этой хвори одним способом, силовым

В. Каданников:

Из кризиса выход есть, если не стоять в позе упрямого отличника

сдерживанием денежной эмиссии, — неэффективно, потому что искусственно. Страна все равно проедает больше, чем ей на это отпущено. Деньги не соответствуют этой жизни. Это, на мой взгляд, просто школьная позиция упрямого отличника.

Инфляция этим методом не вылечивается, этим методом заводы останавливаются. Конечно, это один из способов лечения, но когда он единственный — он смешон. Когда же он вкупе с увеличением производительности труда, со стимулами к ее увеличению в промышленности, с цивилизованными платежами, отлаженным механизмом введения ценных бумаг — залоговых, вексельных и так далее, тогда

это лечение, а сейчас положение промышленности просто критическое.

— В этом положении многие специалисты говорят, что не видят способов выхода из порочного круга взаимных неплатежей. Инфляция описывает круг за кругом... Как его разорвать?

— Да, понятно, как этот разрыв происходит — снижением расходной части всего хозяйства. Иначе не бывает. Когда идут взаимные неплатежи, то расходная часть превышает доходную.

— Сейчас предприятия теряют свои оборотные средства, следствием является снижение производства... Следовательно, до какого-то

уровня еще нужно сокращать производство...

— Не обязательно. Сокращение производства — это сокращение расходной части, но вместе с доходной. Поэтому нужно следить за их пропорцией.

Когда же предприятия ставят в условия, при которых им выгоднее не работать, а некоторые предприятия поставлены в такие условия, то монетаристский метод не лечит. Неплатежи, в принципе, конечно, заставляют предприятия уменьшать расходную часть. Коль у тебя нет денег, то ты начинаешь думать, как ее сократить, но все должно быть взвешено. Конечно, методы эти правильные, но на этом монетарном уровне. Он один, повторяю, не может вывести промышленность из кризиса.

— А как вы относитесь к такому явлению: когда ушел из правительства Гайдар и увел часть своей команды, то на всех валютных биржах все валюты стали падать? Удержался только доллар и фунт... Как вы оцениваете такую реакцию на уход наших реформаторов?

— Я эти события не увязываю, это наивно.

— Накануне нового года Борис Федоров чуть ли не к вам лично обратился. Он сказал примерно так: „Не пора ли директорам крупных предприятий подумать о производительности труда?“ Это было произнесено чуть ли не в день остановки Волжского автозавода. О том ли у вас голова болит?

— Смотри-ка, перед самым уходом узнал это понятие...

Конечно, снижение расходной части, в том числе повышение производительности труда, всегда было и будет заботой директоров. Они понимают необходимость этого лучше, чем он.

Федоров все время ссылался на то, что, мол, под давлением „директорского корпуса“ (как его называют; я, кстати, не знаю, что такое „директорский корпус“) в правительстве выбиваются какие-то кредиты. Кто их получает, эти кредиты? Я не знаю.

Мы вообще не получаем, да, собственно, и не просим. А, допустим, те, кому действительно нужен кредит...

Из кризиса выход есть, если не стоять в позе упрямого отличника

Приватизация, с точки зрения государственной политики, — коренной вопрос. В конце концов, если бы этого не было, этого пути (а мы только на пути), тогда бы сохранилась навсегда советская власть. Это абсолютно точно. И консервативная часть нашего населения, нашего руководства всегда это понимали.

Именно поэтому на планы приватизации, на Чубайса, на его команду нападки были самыми яростными. Я думаю, что ему бы не выдержать без мощной поддержки президента.

Какие только программы за этот период ни рушились, какие только силы ни сталкивались, каких только отходив ни случилось, но по приватизации — выдержали. Отступлений не допустили, и эта работа продолжается.

Поэтому, с моей точки зрения, этот процесс очень прогрессивный. Конечно, и на этом пути не всем все нравится. Но делаем-то это мы, с нашим менталитетом. Ведь единственный есть способ сменить менталитет — вышибить мозги. Это еще Гебельс сказал и, видимо, на все века оказался прав на 100 процентов.

— В печати прозвучало такое объяснение причин того, что прекратил производство АЗЛК. Мол, вокруг него создан ряд структур, которые не возвращают этому заводу дебиторскую задолженность, в них эти деньги „крутятся“, а завод стоит. Не наблюдается ли такая же картина и на АвтоВАЗе?

— В общем-то такое явление есть. Когда же мы говорим о безнадежной дебиторской задолженности, то мы говорим не только о структурах, „которые вокруг ВАЗа вертятся“, а о всех, кто нам не вернул деньги.

Именно поэтому в прошлом году мы вынуждены были перейти на два вида отпуска автомобилей и запасных частей. Первый — только с предплатой, потому что нас „нагрели“, и второй — с рассрочкой платежей, но в нашу структуру, в вазовскую. Но там, к сожалению, сроков многие не выдерживали, и за нашей системой торговли сейчас числится дебиторская задолженность порядка 80 миллиардов рублей. Мы сейчас заставляем их оформлять долговые векселя...

— Которые они не торопятся оформлять? Потому что знают, что тот, кто купит этот вексель, он из них „вытащит“ эти долги...

— Ну конечно. А покупатели на эти векселя найдутся. Потому что эти векселя каждый день на 1% дорожают. А „выколачивать“ долги — способы есть разные. В том числе через щель танка...

— С 1 января по постановлению правительства насколько меняется налоговая система. Как вы ее оцениваете? Стала ли она легче или остается прежней удавкой?

— Прежней, к сожалению. — Но, кажется, добавляются местные налоги?

— Сейчас больше стало региональных, нежели федеральных налогов. Принцип регионального управления от этого несколько выиграл. Федеральный бюджет уменьшается, а местный — увеличивается. Это положительно, но с точки зрения общего бремени — ну нет нигде таких налогов!

— Но теперь некоторые вопросы будет проще решить?

— Конечно, тут поближе и задачи поясней. С этой точки зрения выборы в областную Думу, в городскую приобретают особенное значение.

Понимая возросшую роль местных органов самоуправления, хотелось бы пожелать большей мудрости нашим избирателям, большего понимания.

Раньше всякое терпели, не очень обращали внимание. Ну собрались там какие-то люди, разного менталитета, уровня развития и здоровья, и что-то там го-

ворят. Ну и пусть говорят. Все забыли, кто его депутат, кого он избирал и зачем. А теперь в связи с тем что бюджет будет формироваться здесь, что от этого мы будем жить, от этого будет зависеть, сколько будем строить, платить медикам, учителям, всей социальной сфере, — от этого, может быть, и избиратель изменится.

— По радио прошла информация о том, что вы вместе с Кириллом Лавровым стали сопредседателем Фонда культуры при министерстве культуры России. Значит, несмотря на все трудности, АвтоВАЗ культуры будет поддерживать? И что это за фонд?

— Несмотря ни на что, мы не жалеем средств на культуру. А новый фонд — социальной поддержки культуры. Организация его поддержана президентом, целым рядом предпринимателей и хозяйственников. Задача его, аккумулируя определенные средства, — направлять их на помощь талантливым людям. Это бездарность сама прорвется к достатку, а таланту в России помогать надо.

Создано правление фонда, нас выбрали сопредседателями, я так думаю, что меня по принципу „свадебного генерала“. У нас достаточно большие расходы на культуру, и понятно, почему, но они несут достаточно „вкусовой“ характер, не целенаправленный.

Мы, например, помогаем „Виртуозам Москвы“, у нас с ними давний договор. Может быть, сегодня нужно было бы не им помогать, а другим, но так сложилось. А этот фонд сможет вести

эту работу целенаправленно. Первая работа этого фонда — поддержка запоевника „Ясная Поляна“...

— Может быть, это не очень приятный вопрос, но, к сожалению, мне довелось на заводе встретиться и с отрицательным отношением к таким тратам...

— Хотя купить на эти деньги колбасу?

— Да. Начинают считать деньги в чужом кармане... Каков ваш главный аргумент в пользу этих трат?

— Мой аргумент такой. Может быть, кто-то этого не понимает, но я понимаю, что может случиться с людьми, которые работают ежедневно на конвейере, у станка. Потом приходят в одинаке//вые дома, собранные в о^дном месте посреди степи... Их — 460 тысяч человек. Я отдаю себе отчет в том, что может произойти, если их совсем лишит культуры, духовной пищи.

Наш город образовался из людей приезжих. А что это значит? Человек вырван из своей культурной среды, своей общины. Что он получил взамен? Работу, малосейку...

При этом я не говорю о своем собственном отношении к культуре, о ее необходимости. Это вопрос личный. А все вышеперечисленное — вопрос директорский.

— Судя по всему, вы Владимир Васильевич, с оптимизмом смотрите в будущее. На чем этот оптимизм базируется?

— Может быть, на том, что я верю: то, чему я служу, — вещь вечная. В силу своей необходимости людям, в силу того, что за этим стоит большое количество людей. На моем месте трудно оставаться оптимистом. Известно, что знания умножают печали, а я знаю очень много на этом предприятии. И, конечно, печали мои умножаются, но я убежден: то, что нас окружает и нами делается, — вечно.

— А что вы хотели бы пожелать нашим читателям?

— Я хотел бы пожелать всем понимания роли каждого человека в этой жизни. Этого продолжает не хватать, сильно отучили.

— Спасибо.

— Спасибо вам.

А. УЛАНОВ, В. ДЯТЧИН.
Фото Ю. Михайлина.